

**Вариативность в сербском литературном языке:
экавица и иекавица в свете оппозиции «свой – чужой»
(на основе высказываний информантов)**

Якушкина Екатерина Ивановна
Доктор филологических наук, доцент
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Российская Федерация
E-mail: jkatia@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0052-1338

Црняк М. Дияна
Доктор филологических наук, профессор
Университет в Баня-Луке
78000, Бульвар воеводы Петра Бойовича, 1 А, Баня-Лука, Босния
и Герцеговина
E-mail: dijana.crnjak@ff.unibl.org
ORCID: 0009-0003-9097-6815

Цитирование
Якушкина Е. И., Црняк Д. М. Вариативность в сербском литературном языке: экавица и иекавица в свете оппозиции «свой – чужой» (на основе высказываний информантов) // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 316–333. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.16

Статья поступила в редакцию 29.10.2025.
Рецензирование завершено 01.02.2026.
Статья принята к публикации 17.03.2026.

Аннотация

В статье рассматривается социолингвистический контекст бытования двойной орфоэпической нормы сербского литературного языка – экавской и иекавской, – основанной на различии в рефлексации «ятя», через когнитивную оппозицию «свой – чужой». Несмотря на декларируемое равноправие норм, иекавская норма, распространенная в Республике Сербской и Черногории, и экавская, представленная в Сербии, в реальности имеют разный статус. И «западные», и «восточные» сербы, как показывают наблюдения, не всегда осознают, а «восточные» сербы и не всегда принимают факт вариативности в сербском языке, подвергая «западных» сербов языковой и культурной

дискриминации. Материал составляют интервью с иекавскими переселенцами (6 информантов, в основном филологи), которые описывают адаптацию к экавской среде и восприятие двух норм в социальных сетях, а также дискуссии о негативных стереотипах по отношению к иекавице и западносербской лексике. Статья анализирует и практические аспекты адаптации, включая влияние на семью, образование и сохранение личной идентичности, а также описывает, как оценивается речь «западных» сербов жителями центральной Сербии и как сами иекавцы воспринимают и оценивают свою речь в чужой среде, показывая, как оппозиция «свой – чужой» структурирует языковое и культурное самосознание «восточных» и «западных» сербов.

Ключевые слова

Оппозиция «свой – чужой», коллективная идентичность, сербы-экавцы, сербы-иекавцы.

1. Современная когнитивная наука фокусируется на вопросах категоризации как особого когнитивного процесса и способа организации концептуальной системы, источником которой является чувственный опыт¹. Оппозиция «свой – чужой» – одна из старейших ментальных и культурных констант, охватывающая все сферы человеческого существования, предмет научных исследований в рамках разных методологических подходов. Потребность в проведении границы между «своим» и «чужим» лежит в основе формирования этнического самосознания, коллективной идентичности и национальной картины мира: «свое» представляет собой сообщество, с которым мы себя идентифицируем, тогда как «чужое» для нас далеко и необычно, поэтому мы, как правило, рассматриваем его с позиции превосходства². В этнической картине мира эта оппозиция проявляется

1 Лакофф считает, что категоризация мира лежит в основе всех мыслительных процессов, действий и речевых актов, см.: *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М., 2004. С. 20. В связи с этим см. классификацию бинарных оппозиций как части концептуальной системы, которую приводит Цивьян: *Цивьян Т. В.* Лингвистические основы балканской модели мира / отв. ред. В. Н. Топоров. М., 1990. С. 5–6.

2 При этом «то, что не совпадает, различается в двух национальных сознаниях и культурах – воспринимается как странное, чуждое / чужое, неестественное, неправильное и, как следствие, является причиной непонимания, т. е. делает

на различных уровнях – от космологических представлений до бытовой сферы³. В настоящей статье рассматривается, как данная оппозиция структурирует современное языковое сознание на территории Сербии и Боснии и Герцеговины.

2. С начала своей истории сербская языковая территория в силу географических, культурных и политических факторов разделялась на восточную и западную области, граница между которыми, если обобщить ситуацию, проходила по реке Дрина⁴. В этих областях сформировались несколько разные сербские диалектные типы, отличающиеся прежде всего рефлексом «ятя», который к западу от Дрины – иекавский, а к востоку – экавский. В XIX в. оба типа произношения были кодифицированы как литературные, вследствие чего в современном сербском литературном языке существуют две орфоэпические нормы: экавская и иекавская, различия между которыми, в общем, сводятся к произношению звука /э/ или звукосочетаний /ие/, /е/ в словах типа *река* (*ријека*) или *песма* (*пјесма*) или произношению твердых или мягких согласных перед бывшим «ятем» (*хлеб* – *хљеб*, *нежан* – *њежан*). Кроме этого основополагающего различия, литературная речь «западных» сербов, *пречан*⁵, жителей *преко Дри-*

межкультурное взаимодействие трудным и неэффективным» (*Марковина И. Ю., Васильченко Т. А.* Культурная константа «свой-чужой» на аксиологической оси модели мира: механизмы защиты // *Язык. Сознание. Культура. Сб. статей / под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. М.; Калуга, 2005. С. 217*). О том, что свое переоценивается, а чужое недооценивается, писал и Ю. Е. Сорокин (*Сорокин Ю. Е.* Провинциальные оценочные стереотипы и речевые акты // *Провинциальная ментальность России в прошлом и настоящем. Самара, 1994. С. 27–29*).

3 См.: *Агапова М. Н.* Варьирование способов выражения семантической оппозиции «свой/чужой» в языке фольклора и народной диалектной речи // *Интерпретатор и текст: проблемы ограничений в интерпретационной деятельности. Ч. II. Новосибирск, 2004. С. 44–49; Толстая С. М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. С. 319–327; *Трубачев О. Н.* Славянская этимология и праславянская культура // *Славянское языкознание. X Международный съезд славистов (София, сентябрь 1988). Доклады советской делегации / ред. Н. И. Толстой. М., 1988. С. 292–347; Цивьян Т. В.* Лингвистические основы...

4 Реку Дрина следует рассматривать как изоглоссу между экавскими и иекавскими вариантами штокавского диалектного комплекса, поскольку диалектный ареал, исторически сформировавшийся в Сербии миграциями из Восточной Герцеговины, в настоящее время демонстрирует выраженную тенденцию к сокращению и находится в стадии глубокой ассимиляции в пользу экавских говоров.

5 *Пречанин* – «человек с противоположной стороны, берега; человек с другого берега Дуная и Савы по отношению к сербам в Сербии» (*Речник*

не, прекодринаца, прекодринских Срба, отличается от речи жителей центральной Сербии, Србијанаца, использованием лексики, характерной для хорватских территорий, а также более частым использованием инфинитива, что также характерно и для языка в Хорватии. Также для сербской языковой территории характерна фонетическая и акцентологическая региональная маркированность литературной речи (по выговору можно достаточно легко узнать место жительства или происхождение человека).

И «западные», и «восточные» сербы, как показывают наблюдения, не всегда осознают наличие вариативности в сербском языке, а «восточные» сербы не всегда принимают этот факт, подвергая «западных» сербов языковой и культурной дискриминации. Цель данного исследования – описать оценку, которой подвергается речь «западных» сербов со стороны жителей центральной Сербии, и самооценку своей речи в чужой среде у сербов-иекавцев.

Сербское общество хорошо знает об этой проблеме, о чем свидетельствует передача на «Радио Београд 2» 23 октября 2020 г.⁶, посвященная проблеме отторжения иекавицы в экавской среде с участием Софии Милорадович, Горана Бабича и Станиши Тутневича. В анонсе к передаче проблема сформулирована следующим образом: «Если иекавица и экавица равноправны, почему иекавец должен превращаться в экавца?.. Начинает ощущаться сокращение использования иекавского произношения, особенно в СМИ. Иекавские тексты обычно экавизируются, что с лингвистической точки зрения неоправданно».

Материалом для нашего исследования послужили интервью с переселенцами-иекавцами, в которых они рассказывают о своем опыте адаптации к экавской или новой для них иекавской среде, а также дискуссии на тему восприятия двух норм сербского литературного языка и языковой адаптации в соцсетях. Всего было проведено 6 интервью (информантами стали один мужчина и пять женщин, все они – 1970-х годов рождения). Информанты были проинтервьюированы в Баня-Луке (Республика Сербская) в конце 2023 и начале 2024 г. Пять информантов являются профессиональными филологами, одна информантка – сотрудник аптеки с высшим образованием. Четверо из них родились на территории Боснии и Герцеговины, одна информантка – на территории Хорватии, один

српскохрватскога књижевног језика: в 6 т. Нови Сад, 1973. Т. 5. С. 24). Как обозначение сербов, живущих за Дриной, это слово выступает в первом значении.

6 Ijekavci i ekavci. URL: <https://www.rts.rs/lat/radio/radio-beograd-2/4121512/ijekavci-i-ekavci.html> (дата обращения: 12.08.2025).

информант – в Черногории; все они переехали на территорию Республики Сербской в 1991–1995 гг. Причинами миграции на восток были события, связанные с распадом Югославии.

Наши информанты свидетельствуют, что их иекавская речь иногда вызывала негативное отношение, причем часто со стороны таких же, как они, переселенцев, только более ранней волны. Негативный стереотип иекавицы закреплен в анекдотах, ср.: «Здесь останавливается автобус на Вьетерник?» (*Je l' tu staje autobus za Vjeternik?*) – спрашивает приезжий иекавец местного жителя в Воеводине и получает ответ: «Нет, на Фьютог» (*Jok, za Fjutog*). В этом ответе вместо нормальной формы топонима *Футог* воеводинец, раздраженный речью приезжего (который использовал форму *Вьетерник* вместо *Ветерник*), употребляет квазииекавскую форму с йотацией после согласного. С другой стороны, информанты описывают случаи, когда носители экавской нормы не понимают слова в иекавском произношении. Неоднократно в интервью подтверждается, что слово *двѣ* ‘две’ экавцы воспринимают как *три*, поэтому иекавцы, расплачиваясь за покупки, используют форму *две*, подтверждая ее жестами. По свидетельству одного из информантов, его не поняли в пекарне, когда он попросил *хлеб* («что?») (*шта?*) – переспросила продавщица, и тогда следующий по очереди покупатель перевел это слово в экавскую форму *хлеб*.

Иекавица как явление и ее употребление в экавской среде вызывает поток негативных эмоций при дискуссиях в социальных сетях и на форумах. Приведем примеры ее отрицательной оценки и требований адаптации к экавской среде (антагонизм «своего» и «чужого» особенно ярко представлен в последнем примере⁷):

Tesko je meni otkako sam prvi put suo ijekav'cu uzivo, ali prezivljam nekako [Трудно мне живется с тех пор, как я первый раз услышал иекавицу, но выживаю как-то] (@AleksandarLik);

цријево. ијекавци јече као да их у цријево циљају. како може да буде црево цријево што онда не кажете за мед мијед. нпр. [цријево (кишка). Иекавцы стонут, как будто им в кишки стреляют, почему вы и мед не называете мијед] (@singidunumski);

Van svog ambijenta, ijekavci čudno zvuče, i sebi i drugima. Neka priznaju bez ljutnje [За пределами своей среды иекавцы звучат странно, и для себя, и для других. Пусть это признают без обид] (@nebonad); Muka mi je vise od «mlijeka i lijepo ti je to» po prodavnicama i sl. !!!

⁷ В цитатах здесь и ниже сохранена орфография и пунктуация их авторов.

[Меня уже тошнит от того, что я слышу по магазинам «mljeka i lijero ti je to» и т. д.] (@nenad6556);

У Србији се учи, говори и пише на екавици. Јел то тако тешко да се научи, ако си Србин [В Србији учатся, говорят и пишут на екавице. Неужели так трудно ее выучить, если ты серб] (@peravojchan);

Nemam nista protiv bilo kog govora, ali «u Rimu se ponasaj kao Rimljanin» [Я не имею ничего против чужой речи, но в Риме нужно вести себя как римлянин] (@nenad6556);

Ljudi, zovite veterinara. Mom Džekiju nije dobro. Koristi ijekavicu [Народ, вызывайте ветеринара. Моему Джеки плохо. Перешел на иекавицу] (@stefan_orl13432).

Иекавица отрицательно оценивается экавцами с эстетической и практической точек зрения:

Друкчије се дише, другачије мисли, реч постаје дужа, спорија, а мисао тежа [Иначе дышется, иначе думается, слово становится длиннее, медленнее, а мысль тяжелее] (@TrannySecret);

To sto se nekada govorilo jekavstinom u nekim delovima Srbije, ne znaci da treba i danas da se govori tim nesavršenim arhaicnim govorom !!!... Malo smo zalutali, kakve veze imaju knjige napisane pre 100god. sa pokusajem nametanja jekavstine, u sred Srbije u 2021god. !!! Valjda treba usavrsavat jezik a ne vracati se na staro arhaicno... [То, что когда-то говорили на иекавице в некоторых районах Србии, не значит, что нужно и сейчас пользоваться этим несовершенным, архаичным говором! Мы немного заблудились, какое отношение имеют книги столетней давности к попыткам навязать иекавицу в центре Србии в 2021 году! Наверное, нужно совершенствовать язык, а не возвращаться к древности] (@nenad6556).

Наиболее радикальная точка зрения – представление, что иекавица не является частью сербского языка:

Don Felipe nam postavio [...] dvojicu ministara spoljnih poslova koji govore srpski i ijekav'cu kad zapjevaju [Дон Филипп нам назначил двух министров иностранных дел, которые говорят по-сербски и на иекавице, когда начинают петь] (@username_ns).

Встречаются и не шуточные, а декларативные утверждения:

Причаш ијекавски? Ниси Србин [Говоришь по-иекавски? Ты не серб] (@Duleban97);

A to Srbi ijekavci???? Nekako mi to ne ide bas... [Србы иекавцы? Одно с другим как-то не сочетается...] (@Syz_sicilijanac);
 usput rečeno pravi Srbin ne može sebi da dozvoli da govori ijekavicu [Кстати сказать, настоящий серб не может себе позволить говорить на иекавице] (@peravojchan);
 Srbi preko drine? Nazovimo stvari pravim imenom... Bosancerosi [Србы из-за Дрины? Давайте называть вещи своими именами... Лапотники] (@ujkin0);
 Мени је жао што има људи у Србији који мисле да си Србин само ако причаш екавицу, милион пута сам добио питање што овако преко нета што уживо «како си ти Србин а пишеш/причаш ијекавицу?» а још жалосније ми је кад неко одавде пише или на силу прича екавицу да би доказао Српство [Мне жаль, что в Сербии есть люди, которые думают, что ты серб, только если ты говоришь на екавице. Миллион раз мне задавали вопрос: «Какой же ты серб, если ты пишешь / говоришь на иекавице?», и еще больше жаль, когда кто-то отсюда пишет или с трудом говорит на екавице, чтобы доказать [свое] сербство] (@rsk993).

Иекавцы хорошо осознают негативное отношение в их адрес:

Више права у Србији имају икавци⁸ него ми, ијекавци [Больше прав в Сербии имеют икавцы, чем мы, иекавцы] (@Prasnjavi);
 У Београду се често прихвата ијекавица коју говори неки муслиман или Хрват, а истовремено ијекавица може бити плод мржње према Србима из Републике Српске. Такви културни клишеи намерно се формирају да разбију српски идентитет. Ми се томе морамо супроставити и јасно рећи да нећемо пристати на такву културну окупацију [В Белграде обычно нормально относятся к тому факту, что на иекавице говорят мусульмане или хорваты, а при этом по отношению к сербам из Республики Сербской это может быть причиной ненависти. Такие культурные стереотипы специально создаются, чтобы разрушить сербскую идентичность. Нужно этому противостоять и открыто заявить, что мы не согласны на подобную культурную оккупацию]⁹.

8 Икавская речь – диалектная разновидность, в которой на месте бывшего «ятя» произносится гласный «и», в отличие от экавской и иекавской норм.

9 Bez Kosova i Metohije nam nema opstanka. URL: <https://pokretzaodbranukosovaimetohije.rs/otac-darko-r-dogo-bez-kosova-i-metohije-nam-nema-opstankazivot-svagog-srbina-je-borba/> (дата обращения: 30.09.2025). Человек, отрывок из интервью которого мы приводим, – иекавец, но в печатном виде его ответы частично экавизированы.

Большинство переселенцев предпочитают языковую адаптацию, приспособление (серб. *прилагођавање*) к местному типу речи. В качестве основной причины такого поведения называют заботу о детях, желание облегчить ребенку жизнь созданием для него однородной языковой среды. Общаясь с экавцами в дошкольных и школьных учреждениях, ребенок не может понять причину двойственности, путается и недоумевает, что побуждает перейти на экавицу прежде всего мать, тогда как отец, проводящий большую часть своего времени на работе, может в этом случае сохранить исконное произношение. Одну из информанток ребенок, приходя из школы, исправлял, что нужно говорить «млеко», а не «млијеко». В школе, по всей видимости, осуществляется наиболее сильное давление на иекавцев. Примеры сложных психологических ситуаций приводятся в работе Жарко Бошняковича и Драганы Радованович¹⁰, где содержатся интервью с подростками, жалующимися на неприятие их речи со стороны сверстников и учителей, побуждавших их к переходу на экавицу. Одна из участниц дискуссии на форуме, семья которой была вынуждена переселиться в Сербию из Далмации, описывает тяжесть жизни беженцев, которых всячески унижали местные жители, иногда очень жестоко. В том числе она рассказывает о своем языковом опыте:

најбоља другарица и ја, пишемо саставе, она пише о лету у Далмацији и Зрмањи, и учитељица је опомиње ако још једном буде писала ијекавицом да ће је избацити; тад сам навукла трауме од ијекавице и почела да је избегавам; сад кад се сетим, мрзим ту учитељицу мало и из све снаге користим ијекавицу; увек сам поносно истицала да сам из Далмације, никад ме није било срамота док су се други срамили и крили то [Мы с моей лучшей подругой писали сочинения, она пишет о лете в Далмации и Зрмани, а учительница ей выговаривает, что если она будет продолжать писать иекавицей, то она ее выгонит. После этого иекавица стала для меня источником душевных травм, я начала ее избегать. Сейчас, когда я это вспоминаю, я ненавижу эту учительницу и изо всех сил употребляю иекавицу. Я всегда с гордостью подчеркивала, что я из Далмации, мне никогда не было стыдно, а другие стыдились и скрывали это] (@prgavicaa).

¹⁰ Бошняковић Ж., Радовановић Д. Фонетске варијације у говору избеглица у Новом Саду // Говор Новог Сада. Свеска 1: Фонетске особине. Лингвистичке свеске 8 / ур. Ж. Бошняковић. Нови Сад, 2009. С. 310–338.

Как отмечают информанты, помимо давления (серб. *притисак*) среды, иекавцы переходят в Сербии на экавицу из-за желания стать «своим» в новой среде, не выделяться из нее (не быть приезжими – *дошљак са стране, дођош* – ср. эти слова как языковые маркеры «чужого» в своей среде). По данным Бошняковича и Радованович, переселенцы с высшим образованием, а также работники сферы услуг чаще приспособляются и переходят на экавицу¹¹. Приведем высказывание с форума:

у Србији говорим и пишем екавски, ако је нешто на ијекавском (а има) сматрам то грешком, и трудим се да је исправим [В Сербии я говорю и пишу на экавице, если попадается что-то иекавское, то я это считаю ошибкой и стараюсь исправить] (@peravojchan).

По мнению участников дискуссии в соцсети, экавица престижнее:

обично ијекавци причају екавицу јер им је лакше да пишу (правилно), екаваца је више, престижнија је итд. [Обычно иекавцы говорят по-экавски, потому что им так легче писать правильно, экавцев больше, экавица престижнее и т. д.] (@Wl4ch_Ncmt_1389).

Информанты сознают, что негативное восприятие иекавицы – это частный случай реализации отрицательного стереотипа о боснийцах в сербской, в частности в воеводинской, среде. По рассказу одной информантки, таксист в Нови-Саде, которому она предлагала заплатить за поездку в евро, среагировал следующим образом: «Ту си дошла из Босне, причаш ијекавски, нећеш да плаћаш» [Приехала сюда из Боснии, говоришь по-иекавски, не хочешь платить]. В этой оценке отрицательно воспринимаемый языковой признак тесно связан с общей негативной оценкой человека из Боснии. Жизнь в Боснии ассоциируется с бедностью, неразвитостью, бескультурьем. Информанты связывают появление этого стереотипа с поведением боснийских переселенцев в Воеводине после Второй мировой войны и с посвященным этой миграции художественным фильмом «Восьмое наступление» («Осма офанзива»). Информантке, рожденной в Боснии, знакомая в Воеводине задала поразивший ее вопрос: «Вы, боснийцы, все еще готовите еду в той же кастрюле,

11 Бошњаковић Ж., Радовановић Д. Фонетске варијације... С. 324.

в которой кипятите белье?» Поэтому потомки выходцев из Боснии особенно стараются освободиться от иекавицы. Муж информантки, сын боснийских переселенцев, переехавших в Нови-Сад, чувствовал «благий стыд» [небольшой стыд], когда его жена говорила на иекавице. По выражению информанта, в экавской среде на иекавцу «одмах налепе етикету селяка необразованог» [сразу наклеят ярлык необразованной деревенщины]. Неприятие иекавицы в Воеводине особенно травмирует переселенцев, поскольку Воеводина традиционно является мультиэтническим и многоязычным регионом, а следовательно, толерантным культурным пространством. Характерно, что именно боснийцев постигают наиболее серьезные травмы в экавском окружении, тогда как черногорцы лучше, чем боснийцы, сохраняют иекавицу в контакте с жителями центральной Сербии.

Одна информантка сознательно выбрала для себя путь использования иекавицы в экавском окружении с целью демонстрации того, что и иекавица – это литературный тип сербского произношения, а также руководствуясь желанием сохранить свой говор.

Многие жители Сербии, несмотря на то что знакомство с иекавицей включено в школьную программу, не знают, что в сербском литературном языке узаконены две произносительные нормы:

Piše neko ko i posle 30 godina boravka u Srbiji i dalje koristi ijekavicu. Srećem takve svugde, u banci, na pijaci, javnim preduzećima... Da se razumemo, nemam ništa protiv ali u pravu ste da to ne bi smelo da prolazi u državnim institucijama [Пишет кто-то, кто и после 30 лет жизни в Сербии продолжает использовать иекавицу. Встречаю таких людей повсюду: в банке, на рынке, в общественных учреждениях... Если честно, я не против, но вы правы, что в государственных учреждениях это недопустимо] (@_izastlanik);
A asistent je u želji da bude politički korektan izjednačio moju ijekavicu i pečije greške u pisanju, rodu, broju i padežu [А молодой преподаватель, желая быть политкорректным, приравнял мою иекавицу к орфографическим и грамматическим ошибкам] (@AnEm1330).

Большой общественный резонанс в 2023 г. имел следующий случай. В суде г. Бор адвокату было поставлено на вид, что он пользуется иекавицей, которая якобы не свойственна административному языку Сербии. Адвокат обжаловал это требование, но Конституционный суд Сербии подтвердил решение судьи, и только Европейский

суд по правам человека в Страсбурге установил, что это решение было незаконно¹².

Подобные прецеденты, по всей видимости, не уникальны. Есть и другие примеры того, что в конфликтной ситуации иекавское прозвище может быть поставлено в вину одной из конфликтующих сторон, причем со ссылкой на действующее законодательство, якобы исключаящее иекавицу. В 2008 г. учительнице из Глоговца (окрестности Ягодини) родом из Черногории администрация школы отказала в рассмотрении заявления на том основании, что оно «je pisan na nerazumnom jeziku» [написано на непонятном языке]. Ей было предложено переписать заявление «na zvaničnom službenom jeziku Srbije, kako škola ne bi bila izložena trošku plaćanja tumača i da bi školskom odboru bilo omogućeno da zahtev uzme u razmatranje» [на официальном языке Сербии, чтобы школа не должна была оплачивать услуги переводчика и администрация школы имела возможность принять и рассмотреть заявление]¹³.

Несмотря на давление среды, многим переселенцам иекавица дорога как средство идентификации с исконной средой. Она помогает им найти друг друга в новой среде и установить между собой контакт, которым они дорожат (*одакле сте? И попричамо* [Откуда вы? И завязывается разговор]), и даже сохранить собственную личность: «Когда я говорю на иекавице, это в большей степени “я”». Похожие высказывания можно услышать от сербов, живущих в Косово. Мать Павлины Радованович, исполнительницы народной и духовной музыки, объясняя, почему она не уехала из Косово, говорит, что там она «свој на своме». Одна из наших информанток процитировала стихотворение «Ије», посвященное воспоминаниям взрослого о детских переживаниях в связи с травлей за иекавицу: «Само мало да сам старија била, никад своје *ије* не бих исправила, све бих отезала када би ме деца зезала и не бих плакала у јастук... како сам само брзо прогутала своје *ије* па га сањам спакавано у избеглички пртљаг. Носам га по овом и оном свету, требаће ми. Моје је, у срцу ми тиња, душу греје, кад озебем» [Будь я хоть немного постарше, я никогда бы не исправляла свое «ие», наоборот, растягивала бы его, когда дети дразнили

12 Srpske sudije ne znaju srpski jezik. URL: <https://hronograf.net/2023/04/29/evropski-sud-za-ljudska-prava-jednoglasno-srpske-sudije-ne-znaju-srpski-jezik/> (дата обращения: 01.09.2025).

13 Škola vratila molbu zbog ijekavice. URL: https://www.b92.net/o/vesti/vesti?nav_id=332377 (дата обращения: 25.08.2025).

меня, и не плакала бы в подушку... Я слишком быстро проглотила свое «ие» и теперь вижу его во сне, как оно лежит в чемодане беженца. Ношу его по этому и тому свету, оно мне пригодится. Оно мое, оно теплится в моем сердце и согревает душу, когда мне холодно]. В исследовании Бошняковича и Радованович имеется свидетельство учительницы, которая считает, что ей поздно менять произношение¹⁴. Пользователи соцсетей свидетельствуют, что сохраняют иекавицу как свой аутентичный говор:

Говорим ијекавски, сама себи звучим као да се пренемажем или претварам да сам неко други ако пробам говорити екавицом [Я говорю по-иекавски. Когда я говорю на экавском, мне кажется, что я притворяюсь, изображаю из себя кого-то другого] (@pauljiljuli);

ја сам рођен и одрастао на подручју гдје се говори ИЈекавица, а живим већ годинама на подручју гдје се говори ЕЈавица, а и даље пишем и говорим ИЈекавски. Није до језика, до људи је... [Я родился и вырос на той территории, где распространена иекавица, но многие годы живу там, где говорят по-экавски, при этом я продолжаю писать и говорить по-иекавски. Дело не в языке, а в людях] (@DrinskaRegija).

Возможен переход на иекавицу в момент эмоционального всплеска:

Што каже покојни Зоки Радмиловић: «чим ме ухвати емоција, прелазим на ијекавски!» [Как говорил покойный Зоки Радмилович, «как только поддаюсь эмоциям, перехожу на иекавицу»] (@svejic_alcvejic).

С другой стороны, есть люди, которые в зависимости от окружения переходят с одной нормы на другую:

У Београду говорим екавски, у ЦГ ијекавски и то ме чини неописиво богатим и срећним. Пушти будале, њима спаса нема [В Белграде я говорю на екавице, в Черногории на иекавице, и это меня делает невыразимо богатым и счастливым. Дураки не стоят внимания, это безнадёжный случай] (@Aleks_Koprivica).

Помимо отрицательного отношения к иекавице, в Сербии негативно воспринимается западная сербская лексика, которая используется

¹⁴ Бошњаковић Ж., Радовановић Д. Фонетске варијације... С. 317.

в Боснии и Хорватии. Информант рассказывает, что на покупателя, который попросил «*крух или хљеб*», продавщица долго кричала: «Сколько ты здесь живешь, а не научился говорить!»

На основании приведенных примеров можно выделить смысловые составляющие, из которых складывается образ иекавца:

Ми Срби који причамо ијекавски би судећи по новинаркама и активисткињама из Београда, без имало милости убијали своју дјецу [Мы, сербы, говорящие на иекавице, судя по словам журналисток и активисток из Белграда, готовы беспощадно убивать своих детей] (@Loonaticv2);

Босанска полиција је данас подигла пендрек на мачванске селјаке, један дечко је тешко повређен. Полицајци су ујутру били у пекарцу, сви су причали ијекавски са босанским нагласком... [Боснийская полиция сегодня прошла дубинкой по крестьянам из Мачвы, один паренек тяжело ранен. Полицейские утром были в пекарне, все говорили по-иекавски с боснийским акцентом] (@Pkoje);

...пишу ијекавски и користе изразе који се не користе у Србији и показују висок степен примитивизма и вулгарности у писању коментара [Пишут на иекавице и пользуются выражениями, не употребляемыми в Сербии, демонстрируя высокую степень примитивности и вулгарности в комментариях] (@DjurovicBlazo);

Зашто је баш сваки сендвичар ијекавац? [Почему каждый прорежимный потребитель фаст-фуда обязательно иекавец?] (@muskakucka);
 Београд, Ако је неко урисан 90% он і рисац ргіцају ијекавски! [В Белграде, если в кого-то стреляют, в 90 % случаев он и стрелок говорят по-иекавски] (@Banjska_028);

Dve naprednjakuše sa iјekavicom sinoć u gradskom prevozu napadaju beograđanke [Две сторонницы власти, говорящие на иекавице, вчера вечером в общественном транспорте атаковали жительниц Белграда] (@DjurovicBlazo);

Prividja mi se da се і 15.03. da nas бiju policajci који govore ијekavicu [Мне представляется, что и 15.03 нас будут избивать полицейские, говорящие на иекавице] (@CedicBojan).

В ответ на негативное отношение экавцев к иекавице со стороны иекавцев формируется неприятие экавицы, которая, в свою очередь, не воспринимается ими как норма сербского языка, а связывается с болгарским влиянием. Однако таких высказываний, по сравнению с отрицательной оценкой иекавцев, немного:

Надам се да ће... зауставити одлив наших говорника у (лакши за писање) дијалект бугарског језика, којег из политичке коректности зовемо екавицом [Я надеюсь, что это... остановит переход наших соотечественников на (более легкий) диалект болгарского языка, который из политкорректности мы называем экавицей] (@SrdjanMazalica).

У тога же пользователя висока оцена иекавице перерастае у некиј вид снобизма, приписујућег иекавицу у том числе тем историческим деятелјам, које не јављали су се носитељима: «Стефан Немања, кнез Лазар, Карађорђе, Вук, Његош, Тесла – ијекавци» [Стефан Неманя, князь Лазарь, Карагеоргий, Вук, Негош, Тесла – иекавцы].

Естественно, у ходe дискуссиј на форумима сусретает се и совершенно толерантно отношение¹⁵:

Ма пусти будалетине... Ијекавица је српска као и Екавица... то ти је богатство српског језика!... а само да се прави разлика међу Србима... бацају кост и маглу међу Србима... да се међусобно Уједамо! [Оставь этих дураков... Иекавица такая же сербская, как и экавица... это же богатство сербского языка! Просто нужно разделить сербов, подбрасывают нам кости и напускают туману, чтобы мы грызлись] (@milovan55); Ни њима није лако, јер ми екавци смо ипак већина, а људи живе и у језику. Мене баш потресе када знајући да је неко изворни ијекавац данас говори екавицу. Тако се губе изворни локални говори, што је ненадокнадиво [Им тоже трудно, мы, экавцы, все-таки составляем большинство, а люди живут и в языке. Для меня всегда шок, когда я узнаю, что природный иекавец перешел на экавицу. Так утрачиваются местные говоры, а это невосполнимо] (@dicVeritas); Ово је мене толико насмијало. За мене су најгори они који причају екавски и мисле да су бољи од оних који причају ијекавски. Мени стварно не смета како ко звучи (примјетим разлику свих дајлекта) ако та особа зна своје «Просто смешно. По-моему, самые ужасные – это экавцы, которые считают, что они лучше иекавцев. Мне на самом деле совершенно не мешает местный колорит, если человек разговаривает по-своему» (@thelongvoyageMD).

15 Рассматривая межкультурный диалог во времени, В. Ферони пишет, что у Другого по крайней мере три образа: «Другой», «Иной» и «Чужой» (Феррони В. В. Три лика Другого: «Другой», «Иной», «Чужой» // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Философия. 2012. № 1 (7). С. 112–130).

3. Т. В. Цивьян указывала на то, что язык на Балканах выполняет роль основного фактора самоидентификации среди «чужих»¹⁶. Поэтому вопросы, связанные с характером использования языка, всегда были очень важны для балканских традиций. На сербском языковом ареале их решение предваряло или сопровождало важнейшие культурные и политические перевороты (ср. реформу Вука Караджича 1818 г., Декларацию о месте и положении хорватского языка 1967 г., объединение, а потом разделение «сербскохорватского» языка). Эта важность языка для самоощущения серба ярко показана в романе М. Павича «Ящик для письменных принадлежностей», одна из повествовательных линий которого содержит записки эмигранта-беженца о том, «как забыть сербский язык за 10 уроков». Такой контекст объясняет, с одной стороны, насколько остро сербы воспринимают отклонения от того, что им представляется нормальным для их языковой среды, а с другой – связь человека с родным говором и усилия по его сохранению.

Источники и литература

Агапова М. Н. Варьирование способов выражения семантической оппозиции «свой/чужой» в языке фольклора и народной диалектной речи // Интерпретатор и текст: проблемы ограничений в интерпретационной деятельности. Ч. II. Новосибирск: НГПУ, 2004. С. 44–49.

Бошњаковић Ж., Радовановић Д. Фонетске варијације у говору избеглица у Новом Саду // Говор Новог Сада. Свеска 1: Фонетске особине. Лингвистичке свеске 8 / ур. Ж. Бошњаковић. Нови Сад: Филозофски факултет у Новом Саду, Одсек за српски језик и лингвистику, 2009. С. 310–338.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

Марковина И. Ю., Васильченко Т. А. Культурная константа «свой–чужой» на аксиологической оси модели мира: механизмы защиты // Язык. Сознание. Культура. Сб. статей / под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. М.: Калуга: ИП Кошелев (Изд-во «Эйдос»), 2005. С. 217–229.

Речник српскохрватскога књижевног језика: в 6 т. Нови Сад: Матица српска, 1973. Т. 5. 1043 с.

¹⁶ Цивьян Т. В. Лингвистические основы... С. 96.

Сорокин Ю. Е. Провинциальные оценочные стереотипы и речевые акты // Провинциальная ментальность России в прошлом и настоящем. Самара: СГСПУ, 1994. С. 27–29.

Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 528 с.

Трубачев О. Н. Славянская этимология и праславянская культура // *Славянское языкознание*. X Международный съезд славистов (София, сентябрь 1988). Доклады советской делегации / ред. Н. И. Толстой. М.: Наука, 1988. С. 292–347.

Феррони В. В. Три лика Другого: «Другой», «Иной», «Чужой» // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Философия. 2012. № 1 (7). С. 112–130.

Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира / отв. ред. В. Н. Топоров. М.: Наука, 1990. 207 с.

Bez Kosova i Metohije nam nema opstanaka. URL: <https://pokretzaodbbranukosovaimetohije.rs/otac-darko-r-dogo-bez-kosova-i-metohije-nam-nema-opstanaka-zivot-svakog-srbina-je-borba/> (дата обращения: 30.09.2025).

Ijekavci i ekavci. URL: <https://www.rts.rs/lat/radio/radio-beograd-2/4121512/ijekavci-i-ekavci.html> (дата обращения: 12.08.2025).

Srpske sudije ne znaju srpski jezik. URL: <https://hronograf.net/2023/04/29/evropski-sud-za-ljudska-prava-jednoglasno-srpske-sudije-ne-znaju-srpski-jezik/> (дата обращения: 01.09.2025).

Škola vratila molbu zbog ijekavice. URL: https://www.b92.net/o/vesti/vesti?nav_id=332377 (дата обращения: 25.08.2025).

References

Agapova, M. N. “Var’irovanie sposobov vyrazheniia semanticheskoi oppozitsii «svoi / chuzhoi» v iazyke fol’klora i narodnoi dialektnoi rechi.” *Interpretator i tekst: problemy ogranichenii v interpretatsionnoi deiatel’nosti. Chast’ II*. Novosibirsk: NGPU, 2004, pp. 44–49.

Bošnjaković, Ž., Radovanović, D. “Fonetske varijacije u govoru izbeglica u Novom Sadu.” *Govor Novog Sada. Sveska 1. Fonetske osobine. Edicija «Lingvističke sveske» 8*, urednik Ž. Bošnjaković. Novi Sad: Filozofski fakultet u Novom Sadu, Odsek za srpski jezik i lingvistiku, 2009, pp. 310–338.

Dragičević, R. *Srpska leksika u prošlosti i danas*. Novi Sad: Matica srpska, 2018, 448 p.

Ferroni, V. V. “Tri lika Drugogo: «Drugoi», «Inoi», «Chuzhoi».” *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Filosofija»*, 2012, no 1 (7), pp. 112–130.

Lakoff, Dzh. *Zhenshchiny, ogon’ i opasnye veshchi: chto kategorii iazyka govoriat nam o myshlenii*, translated by I. B. Shatunovskii. Moscow: Iazyki slavianskoi kul’tury, 2004, 792 p.

Markovina, I. Iu., Vasil'chenko, T. A. “Kul'turnaia konstanta «svoi–chuzhoi» na aksiologicheskoi osi modeli mira: mekhanizmy zashchity.” *Iazyk. Soznanie. Kul'tura*, ed. by N. V. Ufimtseva, T. N. Ushakova. Moscow; Kaluga: IP Koshelev (Izd-vo «Eidos»), 2005, pp. 217–229.

Rečnik srpskohrvatskoga književnog jezika: in 6 vols. Novi Sad: Matica srpska, 1973. Vol. 5, 1043 p.

Sorokin, Iu. Je. “Provintsial'nye otsenochnye stereotipy i rechevye akty.” *Provintsial'naia mental'nost' Rossii v proshlom i nastoiashchem*. Samara: SGSPU, 1994, pp. 27–29.

Tolstaya, S. M. *Prostranstvo slova. Leksicheskaia semantika v obshchieslavianskoi perspektive*. Moscow: Indrik, 2008, 528 p.

Trubachev, O. N. “Slavianskaia etimologija i praslavianskaia kul'tura.” *Slavianskoe iazykoznanie. X Mezhdunarodnyi s'iezd slavistov (Sofia, sentiabr' 1988). Doklady sovsotskoi delegatsii*, ed. by N. I. Tolstoi. Moscow: Nauka, 1988, pp. 292–347.

Tsiv'ian, T. V. *Lingvisticheskie osnovy balkanskoj modeli mira*, ed. by V. N. Toporov. Moscow: Nauka, 1990, 207 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.16

E. I. Yakushkina, **D. M. Crnjak**

**Variability in the Serbian Standard Language: Ekavian and Ijekavian
in Light of the “Own – Other” Opposition
(Based on Informants’ Statements)**

Ekaterina I. Yakushkina

Doctor of Letters, associate professor

119991, Leninskie Gory 1-51, Moscow, Russian Federation

E-mail: jkatia@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0052-1338

Dijana M. Crnjak

PhD, professor

University of Banja Luka

78000, 1A Bulevar vojvode Petra Bojovića, Banja Luka, Bosnia and Herzegovina

E-mail: dijana.crnjak@ff.unibl.org

ORCID 0009-0003-9097-6815

Citation

Yakushkina E. I., Crnjak D. M. Variability in the Serbian Standard Language: Ekavian and Ijekavian in Light of the “Own – Other” Opposition (Based on Informants’ Statements) // Slavic Almanac. 2026. No 1–2. P. 316–333 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.16

Received: 29.10.2025.

Revised: 01.02.2026.

Accepted: 17.03.2026.

Abstract

This paper examines the sociolinguistic context of the dual orthoepic norm of the Serbian standard language, based on the differing reflexes of the jat vowel — Ekavian and Ijekavian — through the cognitive opposition of “Own – Other.” Despite the declared equality of these norms, the Ijekavian norm (prevalent in Republika Srpska and Montenegro) and the Ekavian norm (used in Serbia) possess different statuses in practice. Observations indicate that both “Western” and “Eastern” Serbs are not always aware of this linguistic variability; furthermore, “Eastern” Serbs often do not accept it, subjecting “Western” Serbs to linguistic and cultural discrimination. The study is based on interviews with Ijekavian migrants (six informants, primarily philologists), who describe their adaptation to an Ekavian environment and the perception of the two norms on social media, as well as discussions concerning negative stereotypes toward the Ijekavian dialect and Western Serbian lexicon. The article also analyzes practical aspects of adaptation, including its impact on family, education, and the preservation of personal identity. It describes how the speech of “Western” Serbs is evaluated by residents of Central Serbia and how Ijekavians themselves perceive and assess their speech within an alien environment, demonstrating how the “Own – Other” opposition structures the linguistic and cultural consciousness of both “Eastern” and “Western” Serbs.

Keywords

“Own – other” opposition, collective identity, Ekavian Serbs, Ijekavian Serbs.